

«А мне Россия нужна...»: мысли Ф.М. Достоевского о Родине¹

Дергачева И.В.,
Доктор филологических наук,
Профессор ФГБОУ ВО МГППУ

Ф.М. Достоевский был истинным патриотом, образы и судьбы России заботили его и во время вынужденного пребывания за рубежом.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, патриотизм, патриотическое воспитание, славяне, панславизм.

Для цитаты:

Дергачева И.В. «А мне Россия нужна...»: мысли Ф.М. Достоевского о Родине [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n4/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V. “And I need Russia ...”: thoughts of F.M. Dostoevsky about the motherland [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n4/Dergacheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

В эпоху Достоевского в российском обществе существовали два направления — славянофильство и западничество. Приверженцы первого считали, что будущее России в народности, православии и самодержавии, приверженцы второго утверждали, что русские должны во всем брать пример с европейцев. Сотрудники журналов «Время» и «Эпоха» вместе с Достоевским занимали особую независимую позицию, разделяя взгляды «почвенников», тесно связанных с народными корнями, но при этом, не отрицая достижений западной цивилизации. Уже после первой поездки по странам Европы в 1862 году Достоевский становится противником распространения в России общеевропейского прогрессизма, выступив в статье «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863) с острой критикой западноевропейского буржуазного общества, подменившее свободу «миллионом». Писатель выступал за объединение всех славян (панславизм). Патриотические взгляды писателя, чье сердце на протяжении всей жизни болело за Россию, особенно апокалиптические пророчества писателя о «Бесах», сеявших в России террор, его современниками и постреволюционными критиками именовались как ретроградство, национализм, шовинизм и даже черносотенство.

Однако трудно найти писателя, более связанного с Россией, нежели Достоевский. В его письме А.Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. из Женевы, где писатель был вынужден проживать по состоянию здоровья, а также в вынужденном бегстве от кредиторов, он сетует на оторванность от России: «Я, потеряв Вас, попал еще, сверх того, на чужую сторону, где нет не только русского лица, русских книг и русских мыслей и забот, но даже приветливого лица нет! Право, я даже не понимаю, как может заграничный русский человек, если только у него есть чувство и смысл, этого не заметить и больно не почувствовать. Может быть, эти лица и приветливы для себя, но нам-то кажется, что для нас нет. Право так! И как можно выживать жизнь за границей? Без родины — страдание, ей-богу! Ехать хоть на полгода, хоть на год — хорошо. Но ехать так, как я, не зная и не ведая, когда ворочусь,

¹ Проект выполнен при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия).

— очень дурно и тяжело. От идеи тяжело. А мне Россия нужна, для моего писания и труда нужна (не говорю уже об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься» [1, с. 309].

Достоевскому было трудно творить вне Родины. В письме А.Н. Майкову от 26 октября (7 ноября) 1868 из Милана он пишет: «Под конец жизни в Вевее и я и жена — мы заболели. И вот два месяца назад мы переехали через Симплон в Милан. Здесь климат лучше, но жить дороже, дождя много и, кроме того, скука смертная. Анна Григорьевна терпелива, но об России тоскует, и оба мы плачем об Соне. Живем мрачно и по-монастырски. ...В Россию воротиться — трудно и помыслить. Никаких средств. Это значит, как приехать, так и попасть в долговое отделение. Но ведь я уж там не рабочий. Тюрьмы я с моей падучей не вынесу, а стало быть, и работать в тюрьме не буду. Чем же я стану уплачивать долги и чем жить буду? Если б мне дали кредиторы один спокойный год (а они мне три года ни одного спокойного месяца не давали), то я бы взялся через год уплатить им работой...»

Переехав в Россию, я бы знал, чем заняться и добыть денег; я таки добывал их в свое время. А здесь я тупею и ограничиваюсь, от России отстаю. Русского воздуха нет и людей нет. Я не понимаю, наконец, совсем русских эмигрантов. Это — сумасшедшие!» [1, с. 382].

Здесь же писатель рассуждает о славянском вопросе: «Желательно бы очень, чтоб журнал был непременно русского духа, как мы с Вами это понимаем, хотя, положим, и не чисто славянофильский. (По-моему, друг мой, нам слишком гоняться за славянством, право, не надо, то есть слишком. Надо, чтоб они сами к нам пришли.) После Славянского съезда в Москве¹⁰ некоторые из славян же, возвратясь к себе, подшучивали свысока над русскими за то, что «руководствовать других взяли и как бы импонировать славянам, а у самих-то еще что и какое малое самосознание» и т. д. и т. д. И поверьте, что многие из славян, в Праге, например, судят нас совершенно с западных точек зрения, с немецкой и с французской, и даже,

может быть, удивляются, что у нас славянофилы, например, мало заботятся об общепринятых формах западной цивилизации. Так что нам, например, гоняться-то бы подождать за славянами. Изучать их — дело другое; помочь тоже можно; но брататься лезть не надо, но только лезть, потому что братьями их считать и как с братьями поступать с ними, несомненно, должно».[1, с. 383-384].

В письме С.А. Ивановой от 8(20) марта 1869 г. из Флоренции писатель пишет о замысле нового романа и о невозможности писать его в отрыве от русской почвы, писатель описывает свои материальные затруднения, не позволяющие вернуться в Россию: «...вот я и задумал теперь одну мысль, в форме романа. Роман этот называется «Атеизм»; мне кажется, я весь выскажусь в нем. И представьте же, друг мой: писать его здесь я не могу; для этого мне нужно быть в России непременно, видеть, слышать и в русской жизни участвовать непосредственно; надо, наконец, писать его два года. Здесь же я этого не могу и потому должен писать другое. Всё это делает мне всё дальше и дальше жизнь за границей несносной. Знаете ли, что я теперь без шести или по крайней мере без пяти тысяч наличных денег никак не могу возвратиться в Россию... Господь знает, когда я возвращусь. А мне надо, надо воротиться. Вы пишете о Тургеневе и о немцах. Тургенев за границей выдохся и талант потерял весь, об чем даже газета «Голос» заметила. Я не боюсь онемечиться, потому что ненавижу всех немцев, но мне Россия нужна; без России последние силенки и талантишка потеряю. Я это чувствую, живьем чувствую. [1, с. 410-411].

В письме А.Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г. из Флоренции Достоевский делится с другом своими мыслями о патриотическом воспитании молодежи через живописание героических страниц русской истории: «Посудите: идея моя состояла тогда в том (теперь я скажу только несколько слов про нее), что мог бы появиться, в увлекательных, обаятельных стихах, — в таких стихах, которые сами по себе, безо всякого усилия, наизусть заучиваются, что всегда бывает с глубокими и прелестными стихами, — мог бы появиться, говорю я, ряд былин (баллад, песней, маленьких поэм, романсов, как хотите, назовите; тут уж сущность и даже размер стихов зависят от души поэта и являются вдруг совершенно готовые в душе его, даже независимо от него самого...). Ну так вот, в этом ряде былин, в стихах (представляя себе эти былины, я представлял себе иногда Ваш «Констанцкий собор») — воспроизвести, с любовью и с нашею мыслию, с самого начала с русским взглядом, — всю русскую историю, отмечая в ней те точки и пункты, в которых она, временами и

местами, как бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдруг, во всем своем целом. Таких всевыражающих пунктов найдется, во всё тысячелетие, до десяти, даже чуть ли не больше. Ну вот схватить эти пункты и рассказать в былине, всем и каждому, но не как простую летопись, нет, а как сердечную поэму, даже без строгой передачи факта (но только с чрезвычайной ясностью), схватить главный пункт и так передать его, чтоб видно, с какой мыслию он вылился, с какой любовью и мукою эта мысль досталась. Но без эгоизма, без слов от себя, а наивно, как можно наивнее, только чтоб одна любовь к России была горячим ключом — и более ничего.» [1, с. 425-426]. Достоевский перечисляет подходящие сюжеты и подробно останавливается на взятии Константинополя турками, ибо после падения Царьграда Москва и стала 3-им Римом: «Вообразите себе, что в третьей или в четвертой былине (я их в уме тогда сочинил и долго потом сочинял) у меня вышло взятие Магометом 2-м Константинополя⁷ (и это прямо и невольно явилось как былина из русской истории, сама собою и без намерения; потом я сам подивился, как, без всякого сомнения и даже без обдумывания и без сознания, у меня так пришлось, что взятие Константинополя я причел прямо к русской истории, не усумнившись нимало). Вся эта катастрофа в наивном и сжатом рассказе: турки облегли Царьград тесно; последняя ночь перед приступом, который был на заре; последний император⁹ ходит по дворцу («Король ходит большими шагами»), идет молиться образу Влахернской Божией матери; молитва; приступ, бой; султан с окровавленной саблей въезжает в Константинополь. Труп последнего императора отыскивают по приказанию султана в куче убитых, узнают по орлам, вышитым на сапожках. Святая София, дрожащий патриарх, последняя обедня, султан, не слезая с коня, скачет по ступеням в самый храм (historique*), доскакав до середины храма, останавливает коня в смущении, задумчиво и с смятием озирается и выговаривает слова: «Вот дом для молитвы Аллаху!» Затем выбрасывают иконы, престол, ломают алтарь, становятся мечеть, труп императора хоронят, а в русском царстве последняя из Палеологов является с двуглавым орлом вместо приданого; русская свадьба, князь Иван III в своей деревянной избе вместо дворца, и в эту деревянную избу переходит и великая идея о всеправославном значении России, и полагается первый камень о будущем главенстве на Востоке, расширяется круг русской будущности, полагается мысль не только великого государства, но и целого нового мира, которому суждено обновить христианство всеславянской православной идеей и внести в человечество новую мысль, когда загниет Запад, а загниет он тогда, когда папа исказит Христа окончательно и тем зародит атеизм в опоганившемся западном человечестве».[1, с. 426-427].

Картинам героического прошлого Руси писатель собирался противопоставить историю западноевропейских стран и показать, как проходило их отдаление от духовных ценностей: «Да и не эта одна мысль об этой эпохе: была у меня мысль, рядом с изображением деревянной избушки и в ней умного, с величавой и глубокой идеей князя, в бедных одеждах митрополита, сидящего с князем, и прижившейся в России «Фоминишны» — вдруг, в другой уже балладе, перейти к изображению конца пятнадцатого и начала 16-го столетия в Европе, Италии, папства, искусства храмов, Рафаэля, поклонения Аполлону Бельведерскому, первых слухов о реформе, о Лютере, об Америке, об золоте, об Испании и Англии — целая горячая картина, в параллель со всеми предыдущими русскими картинами, — но с намеками о будущности этой картины, о будущей науке, об атеизме, о правах человечества, сознанных по-западному, а не по-нашему, что и послужило источником всего, что есть и что будет» [1, с. 427].

От мыслей об исторических судьбах писатель переходит к своей личной ситуации и с горечью сетует о своем вынужденном отрыве от Родины: «...Надоела мне эта Флоренция, а теперь, от тесноты и от жару, даже и за работу сесть нельзя. Вообще тоска страшная, а пуще — от Европы; на всё здесь смотрю, как зверь. Решил во что бы то ни стало воротиться к будущей весне в Петербург (как кончу роман) — хотя бы меня в долговое посадили. Я уже не говорю о духовных интересах, но и материальные интересы мои здесь, за границей, страждут...» [1, с. 430-431].

Дергачева И.В.
«А мне Россия нужна...»: мысли Ф.М. Достоевского о Родине
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 4. С. 9–13.

Dergacheva I.V.
“And I need Russia ...”: thoughts of F.M.
Dostoevsky about the motherland
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 4, pp. 9–13.

Литература

1. Достоевский Ф.М. *Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 15.* СПб.: Наука, 1996.

“And I need Russia ...”: thoughts of F.M. Dostoevsky about the motherland

Dergacheva I.V.,
Doctor of Philology,
Professor FSBEI MSUPE

F.M. Dostoevsky was a true patriot, the images and destinies of Russia cared for him during his forced stay abroad.

Keywords: F.M. Dostoevsky, patriotism, patriotic education, Slavs, panslavism.

References

1. *Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij v pyatnadcati tomah. T. 15. SPb.: Nauka, 1996.*